

**“КРЯШЕНСКИЙ ЯЗЫК” КАК ОДИН ИЗ СИМВОЛОВ
КРЯШЕНСКОГО СУБЭТНИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА**

Денисов А.Е.

*Научный сотрудник Центра Исламоведческих исследований
Академии Наук Республики Татарстан
г. Казань, Россия
Count-Denisov@yandex.ru*

**“KRYASHEN LANGUAGE” AS ONE OF THE SYMBOLS OF
KRYASHEN'S SUB-ETHNIC NATIONALISM**

Denisov A

*Research Fellow of Center for Islamic Studies
Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
Count-Denisov@yandex.ru*

Аннотация

В данной статье анализируется влияние символа “кряшенского языка” на этническую мобилизацию кряшен на протяжении всех этапов развития кряшенского субэтнического национального движения. Автор в своём исследовании применяет этносимволический подход к исследованию национализма, делая акцент на роль символов в конструировании этнической идентичности. Особое внимание уделяется миссионерской деятельности Н. Ильминского и В. Тимофеева как первому этапу кряшенского субэтнического национального движения. В статье отмечено, что Н. Ильминский создал кряшенский алфавит на основе кириллицы, и это способствовало становлению кряшенской этнической идентичности. В заключении выделяется особая функция символической идентификации “кряшенского языка” для современного кряшенского субэтнического национального движения.

Annotation

This article analyzes the impact of the symbol's "Kryashen language" on the ethnic mobilization of Kryashens during all stages of development of the Kryashen sub-ethnic national movement. The author applies an ethnosymbolic approach to the study of nationalism, emphasis on role of symbols in the construction of ethnic identity. Special attention is paid to the missionary activity of N. Ilminsky and V. Timofeev as the first stage of the Kryashen sub-ethnic national movement. The article notes that N. Ilminsky created the Kryashen alphabet based on the Cyrillic scripts and this contributed to the formation of Kryashen ethnic identity. In conclusion, there is a special function of symbolic identification of the "Kryashen language" for the modern Kryashen sub-ethnic national movement.

Ключевые слова: интеллигенция, кряшены, Н. Ильминский, символ, субэтнический национализм, этническая мобилизация, язык.

Key words: intellectuals, Kryashens, N. Ilminsky, symbol, sub-ethnic nationalism, ethnic mobilization, language.

Изучение этнокультурных процессов на сегодняшний день остаётся одной из приоритетных задач современных гуманитарных наук, так как скорость социальных, экономических, политических и культурных изменений по сравнению даже с периодом 10 – 20 летней давности значительно увеличилась. Глобализация даёт несравненно преимущества тем, кто стал волею судьбы включён в неё, но она и напрямую касается и современной этно-конфессиональной структуры мирового социума. Нельзя равнозначно отметить, например, даёт ли глобализация больше выгод или причиняет больший вред малым народам, этническим меньшинствам и субэтническим группам. С одной стороны, современное развитие СМИ и защита прав человека позволяет малым этносам актуализировать себя в современном мире, отчасти больше не боясь излишнего давления на них со стороны доминирующих групп, но в тоже время существует значительная

угроза их полной ассимиляции. При этом она не будет насильственной. Она будет добровольной. Другими словами, как отмечает известный исследователь этничности Андреас Виммер, границы этнических групп могут стать настолько размытыми, что они себя будут ощущать как надэтнические образования [10, p. 1044].

Все эти рассматриваемые проблемы особенно важны для нашей многонациональной и поликонфессиональной страны. Кроме этого важно отметить, что сейчас у нас уже идёт 2019 год, и в следующем году будет всероссийская перепись. В данной ситуации вопрос касающийся малых народов (в том числе и субэтносов) вновь может встать остро.

В переписи населения 2002 года в крайней точке политизации находился так называемый “кряшенский вопрос”. На наш взгляд споры вокруг него были бессмысленны и искусственно сконструированы [2, с. 329]. Одним из аргументов (но далеко не главным) у сторонников выделения кряшен в отдельную переписную категорию было наличие собственного литературного языка. В данной статье мы рассмотрим как “кряшенский язык” стал одним из символом поддержания этнической идентичности в кряшенской субэтнической группе.

Чаще всего в научном дискурсе отмечается, что язык представляет из себя знаковое воплощение коллективной памяти носителей культуры и определённым образом может служить ее социальным символом [5, с. 43]. Но при этом не всегда язык обязательно становится самым важным элементом построения этнической идентичности. На наш взгляд достаточно редко бывает так, что язык становился символом нациестроительства. Скорее это случайность. Язык может быть определённым выбором, одним из вариантов через которую можно конструировать нацию, но далеко не единственным вариантом. Кроме этого, современные исследования подтверждают данный факт. Известный специалист по психолингвистике и семантике Г. Му опубликовал в 2015 году статью, где опираясь на широкие

эмпирические данные, обосновал, что степень корреляции между языком и этнической идентичностью не является высокой [9, р. 251 – 252].

Кряшенский случай как раз нам и интересен тем, что многие символы, используемые для легитимации признания кряшен в качестве отдельной этнической группы к переписи населения 2002 года и после неё, тесно переплетены. В данном случае символ кряшенского языка находится в неразрывной связке с “православием” и “деятельностью Н. Ильминского”.

Первый этап кряшенского субэтнического национального движения начинается с деятельности православных миссионеров с середины 19 века [3, с. 53]. Заслуга Н. Ильминского и его ближайшего помощника В. Тимофеева в формировании кряшенской идентичности заключается в том, что были открыты первые учебные заведения, где люди могли обучаться на родном языке. Это, конечно, кряшено-татарская школа, созданная вначале как “кружок” для односельчан В. Тимофеевым, а позже ставшая культурным центром кряшенского движения. Но, наверное, больше всего Н. Ильминский в кряшенской среде запомнился не столько решением проблемы образования, а сколько созданием “литературного” кряшенского языка.

Н.И. Ильминский в первую очередь знаменит тем, что перевёл многие православные священные тексты на родной язык кряшенского населения. При этом часто забывают, что переводы были и до его деятельности в качестве кряшенского просветителя. Правда, переводы были сделаны на литературный татарский язык. Это казалось парадоксальным, но кряшенское население не воспринимало данные переводы, зачастую просто не понимая их.

Работая в Духовной академии в Казани, Н. Ильминский обнаружил, что литературный язык татар во многих местах не совпадает с народным диалектом кряшен. Православный просветитель нашёл причину в том, что литературный татарский язык сформировался как “язык ислама” [7, с. 103].

В итоге оказалось, что единственные татары, которые поняли перевод Библии и других Священных текстов на литературный язык, были

мусульманами. Это была совершенно не та целевая аудитория, которая планировалась изначально.

В итоге, Н. И. Ильминский для того, чтобы перевести Литургию и Священное Писание, создал кряшенский алфавит на основе кириллицы (в отличие от татар-мусульман, у которых алфавит был на основе арабской графики). Это сильно способствовало становлению зарождающейся этнической идентичности кряшен. За этим последовало развитие национальной литературы и культуры в целом.

В следствие этого кряшенские активисты часто отмечают, что кроме религиозных отличий существуют и другие особенности кряшенской культуры (сюда включается и “кряшенский язык”). Так в начале 1990-х годов ветеран кряшенского движения А. Фокин утверждал, что кряшен нельзя считать просто татарами другой веры (православными татарами). По его мнению, кряшены являются носителями иных исторических обычаев, обрядов и традиций, иного типа психического склада [1, с. 93].

На самом деле А. Фокин во многом прав. Кряшены имеют отличительные характеристики в культуре. Это, с одной стороны, можно объяснить принятием православия и трансляцией некоторых культурных традиций от русского переселенческого населения. Правда, с другой стороны, существуют целые пласты в кряшенском сельском бытовом обиходе, которые прямо говорят о том, что их источником являлось влияние финно-угорских племен и язычества. Даже если мы бросим беглый взгляд на кряшенский национальный костюм, то сразу же увидим, что он кардинально отличается от русского и татарского. Он больше схож, например, с удмуртским и мордовским.

Что касается отдельно “кряшенского языка”, то он является диалектом татарского языка с определенными особенностями (меньше арабизмов). При этом следует отметить, что письменный “кряшенский язык”, который был создан Н. Ильминским, практически полностью утрачен в советский период и остался только в религиозных книгах (“церковно-кряшенский”).

Эта черта свойственна многим малым народам. В течение времени в наших современных условиях глобализации этнические меньшинства теряют свои языки, принимая языки доминирующих групп в качестве родного. Это объясняется многими причинами, но, в общем-то, они сводятся к чисто бытовому – язык доминирующей группы является самым распространённым на этой территории и его знание становится обязательным, если человек хочет продвинуться по карьерной лестнице, получить образование и безболезненно интегрироваться в существующее общество. При этом важно отметить, что представители этнических меньшинств всё же часто сохраняют свой исконный язык как определённый символ, не позволяющий им полностью ассимилироваться с внешним окружением [4, с. 21].

Таким путём пошло и кряшенское движение. При всём том, что современные кряшены говорят на татарском языке, они продолжают свято чтить свой письменный литературный язык, который остался только в религиозной литературе. При всём том, что данный язык не может уже использоваться в качестве активного средства коммуникации, этот язык всё же может выполнять символическую идентификационную функцию. И как отмечают современные учёные, что эти языки могут быть обозначены как языки “наследия”; они должны рассматриваться как “общественные блага” (в оригинале – “public goods”) и даже не говорящие на этих языках имеют представление относительно их важности для национальной самобытности [8, р. 929].

Эти слова может подтвердить событие, имеющие исключительную значимость для кряшенской общины Татарстана, которое произошло в ноябре 2018 года в Чистополе. 27 ноября 2018 года в г. Чистополе торжественно был открыт Кряшенский приход. Однако в декабре Епископ Чистопольский и Нижнекамский Пармен собрал всех священнослужителей Епархии и предложил проголосовать за изменение его статуса до “простого”, общего прихода, служба в котором будет вестись на русском языке.

По этому поводу развернулась бурная дискуссия в кряшенских группах социальной сети “ВКонтакте”.

Участники сообществ прямо обвинили епископа Пармена в том, что он целенаправленно дистанцируется от кряшен.

На первый взгляд мы можем подумать, что реакция на изменения статуса православного прихода у кряшен как минимум странная, но это совсем не так. История кряшенского движения с середины 19 века нам даёт наглядно понять, что религиозная (православная) идентичность у кряшен является доминирующей даже при том факте, что человек может себя не считать верующим [6, с. 350]. “Кряшенский язык” является наследием миссионерской деятельности Н. Ильминского и он продолжает жить только в религии. От этого кряшенские приходы в Татарстане сами по себе становятся значимыми символами особенного “кряшенского православия”, так как церковные службы в них ведутся на церковно-кряшенском языке, что отличает их от общих (“русских”) приходов. Это позволяет кряшенам демаркироваться от православного русского населения и тем самым предотвращает неизбежные ассимиляционные процессы. Поэтому “кряшенский приход” является тем символом, который кряшенское сообщество будет отстаивать с особым ожесточением. При потере особого статуса церковной организации существует почти полная вероятность потери и “кряшенского” языка. Это лишний раз подтверждает, что “Кряшенский язык” является одним из важных символов субэтнического национализма кряшен.

Список литературы

1. Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / перевод с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.

2. Денисов А.Е. “Кряшенский вопрос” во всероссийской переписи населения 2002 года: попытка политизации этничности // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 3. С. 323 – 333.
3. Денисов А.Е. Практика этнической мобилизации через призму теории национализма Джона Хатчинсона (на примере Кряшенского движения) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. № 4. С. 49 – 61.
4. Кююн Э. Роль сохранения языка как символа при формировании идентичности // Ежегодник Финно-угорских исследований. 2015. № 2. С. 19 – 28.
5. Мильруд Р.П. Язык как символ культуры // Язык и культура. 2013. № 2. С. 43 – 60.
6. Севастьянов И.В. Кряшены Татарстана: религия и проблема этнического самоопределения // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. Т. 4. № 58. С. 345 – 361
7. Стамулис, Иаков. Православное богословие миссии сегодня. — М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. 448 с.
8. Chhim Chris. Language as a public good and national identity: Scotland’s competing heritage languages / Chris Chhim, Eric Belanger // Nation and nationalism. 2017. Vol. 23. Issue. 4. P. 929 – 951.
9. Mu Guanglun Michael. A meta-analysis of the correlation between heritage language and ethnic identity // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2015. Vol. 36. № 3. P. 239 – 254.
10. Wimmer Andreas. Elementary strategies of ethnic boundary making // Ethnic and Racial Studies. 2008. Vol. 31. № 6. P. 1025 – 1055.